

Россия как антилиберальная европейская цивилизация

В этой статье я анализирую то, как Кремль продвигает образ России как знаменосца антилиберальной Европы, и пытаюсь разрешить очевидное противоречие между утверждениями, что Россия — европейская страна и что у нее антизападный путь. Как минимум с XVIII столетия русские интеллектуалы и государственные деятели рассуждали о русском самосознании и месте России в мире в цивилизационных терминах и спорили о том, к какой именно “цивилизации” относится их страна. В этом споре об идентичности, как он формулировался с тех пор и до сегодняшнего дня, речь идет не о бинарном противопоставлении — Европа против не-Европы, или Запад против не-Запада, а о выборе из трех возможностей: быть ли России европейской страной, которая следует по западному пути развития, быть ли ей европейской страной, которая следует по не-западному пути, или быть неевропейской страной. Когда о России говорится, что она принадлежит к той или иной “цивилизации”, всегда предполагается, что точкой отсчета является Европа и ни в коем случае не Азия.

Любая попытка описать то, как Кремль использует идеологические инструменты, требует осторожности и теоретических пояснений. Термин “идеология”, раньше использовавшийся при описании советского режима, часто отождествляется с учением марксизма-ленинизма, которое в СССР преподносилось как истина в последней инстанции. Здесь, однако, мы должны четко разграничить идеологию и доктрину. Под “доктриной” я пони-

маю корпус учений и утверждений, систематизированных и составляющих некое общее логическое целое, распространяемое среди группы людей или среди граждан той или иной страны (с этим значением связано слово “индоктринация”, то есть “насаждение идеологии”). Под “идеологией” я понимаю всеобъемлющее мировоззрение, способ интерпретации того, что в данном обществе считается нормативным. Пол Джеймс и Манфред Штегер определяют идеологии как “выстроенные по определенному образцу кластеры, впитавшие в себя представления о нормативности; в числе этих идей присутствуют, в частности, специфические для данного общества репрезентации власти. Эти концептуальные карты помогают людям ориентироваться в окружающей их сложной политической вселенной и формировать собственное понятие о правильном социальном устройстве”¹.

Чтобы избежать термина “идеология”, который имеет слишком общий характер, особенно в российском контексте, я буду использовать три дополнительных понятия. Первое — это “парадигма”, понятие, происходящее из французской социологии и используемое для описания самых общих рамок легитимности, с помощью которых индивидуумы, сообщества и государства воспринимают мир. Второе — это “идеологическая установка”, которая определяет подход или взгляд, проявляющий себя в широких терминах и конкретных элементах восприятия, а также предлагающий определенную степень нормативности. Третье — это политические *воплощения* более

конкретных стратегий власти, направленные на формирование повестки дня с опорой на ценности, принципы и поведенческие нормы. Я утверждаю, что российская власть совершает выбор из трех возможных цивилизационных парадигм, что избранная ею идеологическая установка — это “консерватизм”, который материализуется в ряде политических форм и практик, но при этом не приводит к формированию доктрины.

Постепенная разработка государственной идеологической установки

Кремль действует в рамках второй из трех парадигм, а именно — европейской, но антизападной России. Этот выбор был сделан далеко не сразу. Прежде чем он сформировался в своем нынешнем виде, прошло более десяти лет. Столь медленный процесс созревания можно объяснить наследием советских времен, когда все связанное с “идеологией” было полностью подчинено официальной доктрине марксизма-ленинизма. Но это также и продукт перестроечных лет, когда идеологические конфликты между либералами и коммунистами привели к расколу страны и угрозе гражданской войны, символом чего стал кровавый конфликт у здания Верховного Совета в октябре 1993 года. Таким образом Кремль медленно втянулся в процесс формирования новой идеологической установки. В первой фазе этого процесса Кремль отрицал, что государство нуждается в идеологии, заявляя, что действует исключительно с прагматических позиций. Во второй фазе стало понятно, что существует множество возможных мнений внутри партии власти, объединяемых туманной идеологической установкой, которая вскоре была обозначена как консервативная. В третьей фазе эта установка была воплощена в конкретных формах и практиках, закрепленных в наиболее авторитетных общественных институтах.

Первая фаза: политический центризм как новая государственная установка, 1994–2004

Первая фаза развернулась во второй половине 1990-х годов, когда в результате провала первого из вариантов развития России — следования по западному пути — смогли по-новому проявить себя политические фигуры, действующие в русле “патриотического центризма”. Термин “центризм” здесь очень важен, поскольку объясняет, каким образом Кремль позиционировал себя сам, отвергая то, что представлялось ему двумя опасными крайностями: “либералов” и “коммунистов”. И тех, и других власти сочли одинаково неспособными найти выход из кризиса, который царил в стране². Еще в 1994 году Кремль стремился избежать поляризации между теми, кто называл себя “либералами”, и теми, кто определял себя как “коммунисты”, — поляризации, которая привела к силовому конфликту между президентом и Верховным Советом.

После избрания на второй срок в 1996 году Борис Ельцин незамедлительно начал развивать идею российской национальной идентичности; таким образом, был снят идеологический запрет на патриотическую тематику. Ельцин заговорил о возможности формирования нового национального идеала:

“В истории России в XX веке были разные периоды — монархия, тоталитаризм, перестройка, демократический путь развития. На каждом этапе была своя идеология. А сейчас у нас ее нет”³.

Он также подчеркнул, что “самое главное для России — это поиск национальной идеи, национальной идеологии”⁴. В период между 1994 и 1996 годами несколько иностранных специалистов по России, среди них — Фиона Хилл, заметили серьезный возврат к дебатам о концепции “державности”, особенно в прессе⁵. Во второй половине 1990-х годов три фигуры воплотили в себе этот сдвиг в сторону “патриотического центризма”: московский мэр Юрий Лужков; бывший кандидат в президенты, губернатор Красноярска Александр Лебедь; а также министр иностранных дел

и премьер-министр Евгений Примаков. Все трое призывали Россию сохранить свои стратегические интересы в “ближнем зарубежье”, не возвращаясь при этом к советской или имперской логике; разрабатывать четкую позицию на международной арене, избегая конфронтации с западными странами по модели холодной войны; и провести реструктуризацию внутри страны, заново укрепив роль центральной власти, но не возрождая при этом режим, основанный на идеологии⁶.

Первый срок Путина стал непосредственным продолжением такой эволюции последних лет правления Ельцина. Этот первый “патриотический центризм” был по большей части лишен идеологического содержания, за исключением призывов к стабилизации и возрождению России. Путин преподносил себя в качестве политика без идеологии, заявляя, что работает исключительно в соответствии с технократическими целями⁷. В 2003 году власти обсуждали создание Совета по национальной идеологии, в который вошли бы важнейшие интеллектуальные и культурные фигуры страны, однако этот проект не воплотился ни в чем конкретном и не вызвал большого энтузиазма среди властных структур⁸.

Вторая фаза: структурирование государственной идеологической установки

Второй период включает в себя второй президентский срок Путина, а также президентство Медведева (2004–2012). Такое хронологическое деление может показаться парадоксальным, поскольку срок Медведева обычно описывается как отдельный от сроков Путина. Тем не менее, оба являются частью одной эпохи, в течение которой российская власть структурировала свои идеологические установки и наращивала взаимодействие с некоторыми негосударственными акторами, оказавшими влияние на “содержание” этих установок, например с Московским Патриархатом. (*О роли РПЦ в формировании государственного национализма см. статью А. Десницкого в настоящем выпуске — Прим.ред.*)

Для российских властей, избравших вне-

идеологический дискурс, возникла серьезная проблема в связи с “цветными революциями”, особенно с Оранжевой революцией 2004 года в Украине. В самой России после неудач ельцинской эпохи общественная дискуссия о либерализме и западной политической модели в значительной степени сошла на нет, но возобновление политической борьбы во имя демократии в “ближнем зарубежье” требовало от Кремля ответа⁹. Более того, в 2005 году власти также столкнулись с широкими общественными протестами внутри страны (против монетизации льгот), которые застали режим врасплох и показали, что общество способно на организованное противодействие. Столь же неожиданным стало “инакомыслие” партии “Родина”, возглавляемой Дмитрием Рогозиным, — особенно поскольку партия была создана при поддержке администрации президента, и потому Кремль ожидал от нее абсолютной лояльности¹⁰.

Для того чтобы сохранить свои позиции в следующем десятилетии, партия власти уже не могла ограничиться возвышением личности президента: теперь было необходимо сформулировать более связную идеологическую установку. Однако эта стратегия не была единодушно принята ни ближним кругом Путина, ни внутри партии “Единая Россия”, ни в целом среди элит, связанных с государственным управлением. В 2006 году публикация книги Алексея Чадаева под названием “Путин. Его идеология”¹¹ вызвала переполох внутри администрации президента. Хотя некоторые и считали, что признать необходимость идеологии действительно стоит, другие не скрывали своего отрицательного отношения к подобной идее.

Неоднозначная фигура Владислава Суркова, которого на протяжении многих лет считали “серым кардиналом” в правительстве Путина, — воплощение парадоксального отношения государственной элиты к идеологии. Сурков, занимавший должность заместителя руководителя администрации президента, затем заместителя председателя правительства Российской Федерации, а позднее — помощника президента по международным отношениям, был главным архитектором идеологизации путинского режима и одновременно его

главным политтехнологом: он использовал для этого самые совершенные инструменты, черпая вдохновение в технологиях маркетинга и пиара, практикуемых в бизнесе. Он ввел в оборот новые понятия, например концепцию “суверенной демократии”, которая была призвана определить положение России в мире и характер ее политического режима¹². По его инициативе был создан целый ряд медиаплатформ, в особенности — онлайн-порталов, а также новостное агентство. Сурковское видение роли России в мире состояло в том, что, используя возможности глобализации, следует создать некий российский “бренд”, или “голос”: Россия должна восприниматься как привлекательная мощная держава, экономика которой идет по пути модернизации; одним из средств укрепления этого бренда является “мягкая сила”. Сурков жестко критиковал тех, кто тосковал по советскому прошлому, или тех, кого привлекала евразийская или азиатская модель развития России. Он, напротив, подчеркивал, что русская национальная идея должна быть ориентирована на будущее, а сама Россия должна мыслить себя “второй Европой”¹³.

Вопрос об идеологии снова стал центральным во время президентских выборов в марте 2008 года и в ходе передачи власти от Путина Медведеву. Во время выборов в Думу в декабре 2007 года Путин раскритиковал партию “Единая Россия” за отсутствие идеологии:

“Является ли она идеальной политической структурой? Конечно, нет. Там нет пока устойчивой идеологии, принципов, за которые подавляющее большинство членов этой партии готовы бороться и положить свой авторитет”¹⁴.

Установление путинско-медведевского двоевластия стал толчком для более интенсивной идеологизации внутри самой партии власти. “Крылья” внутри “Единой России” начали “расти” с 2005 года, но впервые получили формальный статус при Медведеве. В состав так называемого либерального крыла, возглавляемого Владимиром Плигиным и Валерием Фадеевым, вошли несколько политиков, начинавших карьеру в Союзе правых сил

и лишь затем присоединившихся к Единой России. Это крыло имело связи с журналом “Эксперт”. Клуб “либералов”, получивший название клуб “4 Ноября”, хотел, чтобы Кремль сделал своим приоритетом монетизацию социальных льгот, стимулировал развитие частной собственности и частного предпринимательства и ограничил вмешательство службы госбезопасности в российскую политику и экономику. В противовес этому консервативное крыло партии и ее аналитический центр, Центр социально-консервативной политики, призывали к тому, чтобы государство играло доминирующую роль в экономике, и акцентировали внимание на советском наследии сильной власти, а также на необходимости стремиться к тому, чтобы граждане гордились своей “русскостью”¹⁵.

За пределами партии власти Медведев санкционировал более провокативные идеи, например предложение Института современного развития (ИНСОР) вернуться к западному пути. Возглавляемый Игорем Юргенсом, известным лоббистом в инвестиционном и страховом секторах, ИНСОР вскоре стал передовым отрядом Медведева в обсуждении курса на “модернизацию”¹⁶. Институт опубликовал несколько отчетов, вызвавших весьма бурную реакцию, в которых утверждалось, что Россия нуждается в обширных реформах, причем речь шла не только об экономике: авторы настаивали, что необходимо изменить политический режим, и ставили под вопрос целесообразность существования таких региональных организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), и их содействия продвижению роли России в странах “ближнего зарубежья”, а также открыто дискутировали на тему возможного членства России в НАТО¹⁷. Истинная роль ИНСОРа, возможно, состояла не столько в том, чтобы разработать конкретные политические рекомендации; скорее, ставилась задача расширить рамки дискуссии, понять, как общественное мнение и различные группы интересов реагируют на появление в публичном пространстве новых тем, а также содействовать формированию “модернизационного” лобби.

Третья фаза: консерватизм как официальная государственная установка, 2011–...

Третья фаза началась в сентябре 2011 года с сообщения о том, что Медведев и Путин поменяются ролями: Путин снова станет президентом, а Медведев займет должность премьер-министра. Тот факт, что президентство Медведева закончилось массовыми антипутинскими протестами, произошедшими зимой 2011–2012, и рождением “Болотного движения”, вернувшего либеральные голоса в публичное пространство (хотя и практически ограниченное «оппозиционными» СМИ), стал еще одной причиной резкого сокращения идеологического плюрализма, который успел расцвести внутри истеблишмента¹⁸.

Итак, структурирование кремлевской идеологической установки можно разбить на три отдельных фазы, но при этом терминология — а именно терминология консерватизма — была выбрана сравнительно рано. В середине 1990-х годов власти не слишком часто употребляли термин “консерватизм”, поскольку в то время они еще позиционировали себя как “центристы”, в противовес двум существующим “крайностям”. Но, начиная с 1999 года, на сайте партии “Единство”, прямого предшественника “Единой России”, существовала рубрика “Наша идеология”, в которой упоминался консерватизм. Руководитель Центра разработки программных документов партии “Единство” Герман Моро, специалист по консервативным теориям, видел в консерватизме “единственно спасительный для России комплекс идей”. Он описывал его как способ мышления, “базирующийся на вечных социальных и нравственных ценностях — уважении к собственной традиции, опоре на мудрость предков, приоритете интересов общества”¹⁹.

В 2007 году, во время дебатов о необходимости формального выделения нескольких крыльев внутри партии власти, Борис Грызлов, занимавший тогда пост председателя Госдумы, вмешался, чтобы прояснить точку зрения “Единой России”. Партия, заявил он, имеет лишь одну идеологию — “социальный консерватизм”²⁰. Используя этот термин, Грызлов

хотел определить центризм партии как часть идеологического поля (в противовес “крайностям” как либерализма, так и коммунизма), а также подчеркнуть прагматизм партии в экономических вопросах и ее желание полностью доминировать на политической арене. Он раскритиковал революционный подход, который, по его мнению, нанес России значительный ущерб и затормозил процесс модернизации страны как в 1910-х и 1920-х годах, так и в 1990-х. Грызлов утверждал, что модернизация в России может быть реализована только в ходе постепенных реформ, которые позволяют избежать разрушительных социальных последствий, не угрожают стабильности государства и не строятся на заемных западных идеологиях, будь то марксизм или либерализм. Кроме того, согласно Грызлову, в идеологии партии заложена “опора на средний слой, действия в интересах этого слоя, отстаивание интересов тех, кому не нужны никакие революции — финансовые, экономические, культурные, политические, «оранжевые», «красные», «коричневые» или «голубые»”²¹.

С возвращением Путина в Кремль в 2012 году установка на консерватизм стала официальной. Администрация президента заказала разработку консервативной идеологии нескольким экспертным центрам, которые должны были опираться на классические работы по данному вопросу. Главный из таких центров, Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ), возглавляет Дмитрий Бадковский, бывший заместитель начальника Управления внутренней политики администрации президента. ИСЭПИ — ведущая организация, занимающаяся разработкой идей консерватизма и предоставляющая гранты менее крупным организациям и движениям. В 2014 году ИСЭПИ опубликовал альманах под названием “Тетради по консерватизму”, в котором были систематизированы материалы о консерватизме, подготовленные для Кремля. Тексты, собранные в альманахе, в основном представляли собой материалы Бердяевских чтений, также организованных ИСЭПИ. Николай Бердяев (1874-1948), автор знаменитой книги о “русской идее”, является воплощением русской религиозной философии начала двад-

цатого столетия; ссылки на него неизменно присутствуют и в документах, публикуемых президентской администрацией, и в работах кремлевских экспертных центров. Впрочем, по количеству упоминаний его обгоняет крайне консервативный теоретик Иван Ильин, умерший в эмиграции монархист, чьи останки были возвращены в Россию при непосредственном участии Путина. Третья ключевая фигура — Константин Леонтьев, один из главных поборников идеи византийского наследия как политической и исторической матрицы России.

Такой идеологический аутсорсинг не является чем-то специфически российским, он не сильно отличается от сотрудничества федерального правительства США и Вашингтонских аналитических центров. Руководителем этого аутсорсинга, по-видимому, является Вячеслав Володин, первый заместитель руководителя администрации президента, отвечающий за внутреннюю политику и отношения с гражданским обществом. Помимо “идеологического аутсорсинга”, свой вклад в идеологическую работу вносят также некоторые политические и общественные деятели, в чьи обязанности входит артикуляция официальной позиции; среди них, в частности, Вячеслав Никонов, бывший директор фонда “Русский мир”, а ныне — председатель комитета Государственной Думы по образованию, и Наталия Нарочницкая, директор Европейского Института демократии и сотрудничества в Париже, известная как поборник политического православия.

Три политических воплощения государственной установки

На третьем этапе консервативная установка была сформулирована более четко, а ее целевой аудиторией стали уже не только кремлевские структуры и партия власти, но и широкая публика. Чтобы наполнить консервативную установку содержанием, администрация президента разрабатывала три категории политического языка: язык патриотизма, язык морали и язык национальной культуры. Это и есть те формы и практики, которые определяют актуальную повестку дня. Теперь их продви-

жение является частью государственной политики, и на эти цели выделяются бюджетные средства; проводится масштабная работа со СМИ; принимаются новые ограничительные нормы, направленные на всех, кто не согласен с озвученными установками; в некоторых случаях несогласные подвергаются наказанию.

Первый, ключевой, государственный язык — это язык патриотизма, определяемого как “любовь к Родине, преданность своему отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите”²².

Поддерживая патриотизм, российские власти надеются на “возрождение истинных духовных ценностей российского народа <...>, сохранение общественной стабильности, восстановление национальной экономики и укрепление обороноспособности страны <...> и на снижение степени идеологического противостояния”²³. Критика государства рассматривается как риск для страны: граждане призывают работать над преодолением проблем в государстве, не участвуя в мероприятиях, направленных против власти, и не критикуя работу государственных структур. Для укрепления прокремлевского патриотизма государство выделяет средства на организацию масштабных празднований, посвященных различным историческим событиям, в школы возвращаются патриотические мероприятия и внеклассные занятия для детей и подростков, проводится пропагандистская работа, направленная на повышение престижа воинской службы и вооруженных сил, казачи наделяются дополнительными правами, которые дают им возможность создавать дружины для патрулирования улиц в некоторых российских городах, и т.д.²⁴. Следует, однако, отметить, что, хотя введение этих мер широко освещается, они далеко не обязательно влияют на повседневную жизнь населения²⁵.

Патриотизм служит основой для еще одного элемента идеологического дискурса, а именно — нравственных ценностей. Под нравственностью Кремль понимает “традиционные” ценности, которые включают в себя гетеросексуальную семью (непризнание прав ЛГБТ), деторождение — ему придается особое значение как основе не только лич-

ной жизни человека, но и демографического благополучия государства, здоровый образ жизни (борьба с алкоголизмом), уважение к старшим и к иерархии вообще и т.д. Все это было конкретизировано серией новых законов и законопроектов, принятых и инициированных начиная с 2012 года, среди которых — запрет так называемой пропаганды гомосексуализма среди подростков, закон об оскорблении чувств верующих, ставший реакцией на дело Pussy Riot, закон об ограничении информации в интернете во имя защиты детей, запрет на использование нецензурной лексики в кино, книгах и музыкальных произведениях и прочее. К этому прибавились новые государственные меры, предусматривающие материальное поощрение для семей с двумя и более детьми, законопроекты об ограничении абортот и множество пиар-кампаний, пропагандирующих здоровый образ жизни, — все это с весьма незначительным эффектом.

Согласно исследованиям Гюльназ Шарифутдиновой²⁶, в последние годы в речах Путина стали чаще встречаться такие слова, как “нравственность” и “духовный” — особенно начиная с 2012 года. Шарифутдинова утверждает, что попытка Кремля представить себя поборником нравственности, способным заполнить этический вакуум российского общества, была в первую очередь ответом на “Болотное движение”, которое часто описывают как моральный протест, поскольку его главным содержанием было моральное осуждение политики властей.

Однако о дефиците духовных ценностей в России постоянно говорили еще со времен развала Советского Союза, и в риторике властей эта тема появилась задолго до Болотной. В первую очередь ее взяла на вооружение Русская православная церковь, разработавшая целый набор нравственных ценностей; постепенно они переключались в государственный дискурс, в особенности через посредство государственных программ патриотического воспитания²⁷.

Третьим языком власти является прославление русской культуры; с его помощью государство стремится создать культурный консенсус и смягчить потенциальные разногласия внутри общества. Здесь можно

выделить три основных направления государственной политики и риторики. Первое направление — это переписывание истории в попытках утвердить единую интерпретацию центральных событий российской истории. Частью этого направления стал список из 31 “трудного вопроса русской истории”, составленный Российским историческим обществом во главе с председателем Госдумы Сергеем Нарышкиным. Вопросы эти охватывали весь период от возникновения первого русского государства до правления Путина²⁸. Инициатива переписывания истории увенчалась успехом: в октябре 2013 года была подготовлена единая концепция преподавания истории²⁹.

Вторым направлением стало постепенное наделение Русской православной церкви официальным статусом. РПЦ все чаще присутствует на государственных церемониях всех уровней, а ее взаимодействие с государственными структурами становится всё более тесным. Патриарх Кирилл даже отозвался о правлении Путина как о “Божьем чуде”³⁰, а Всемирный русский народный собор, созданный под эгидой Русской православной церкви, вручил свою первую премию президенту за сохранение “державной России”³¹. Церковь получила доступ к тюрьмам и вооруженным силам и стремится, хоть и с большими сложностями, получить доступ также и в школы.

Третье направление — встречи Путина с представителями искусства и культуры³², которые представляют собой возвращение к соответствующей советской традиции, а также его встречи с потомками великих деятелей русской литературы: Толстого, Достоевского, Шолохова, Пастернака и Солженицына³³. Примеру Путина следует и его министр культуры, Владимир Мединский, который также превозносит русскую культуру, стоящую вне времени и возвышающуюся над всей культурой Западной Европы³⁴.

Построение дискурса “антизападной европейской цивилизации”

Консерватизм как официальная государственная установка, по сути, связан с расположением России между тремя “цивилизаци-

онными парадигмами”, о которых шла речь выше. Действительно, поскольку “Запад” часто отождествляется с либерализмом (политическим, экономическим и в сфере морали), консерватизм можно рассматривать как новый способ представления России как *другой* Европы, той, которая *не* идет по западному пути. В сегодняшнем официальном дискурсе вновь слышен отзвук интеллектуальных дебатов девятнадцатого столетия, когда в России Западную Европу критиковали за либерализм и материализм, тогда как самую Россию прославляли за сохранение истинно европейских ценностей. Для определения этого цивилизационного пути нынешние российские власти не стали пользоваться славянофильским дискурсом, который мог бы вызвать проблемы как на международной арене (сегодня невозможно представить себе внешнюю политику, основанную на “солидарности славян”), так и внутри страны (поскольку такой дискурс подразумевал бы излишне этноцентричное определение русской нации). Напротив, был выбран и должным образом возвеличен другой набор исторических отсылок, а именно византийское наследие. В официальном дискурсе постоянно звучат параллели с Византийской империей — автократией, в которой мирская и церковная власти тесно взаимодействовали друг с другом; бастионом на границе с “Западом”; государством, построенным на теологической идее Катехона (крепости)³⁵.

В заявлениях представителей российской власти последовательно разведены критика Запада и утверждение европейской сущности России. Официальные лица неоднократно заявляли, что Россия — европейская страна. В своей речи в Вашингтоне в 2011 году министр иностранных дел Сергей Лавров определил Европу, США и Российскую Федерацию как “три столпа и три ветви европейской цивилизации”³⁶. На кремлевском сайте kremlin.ru мы насчитали около сорока случаев, когда слово «цивилизация» в устах Путина и Медведева³⁷ было употреблено в сочетании с прилагательным, определяющим некий регион; примерно в половине речь идет о европейской цивилизации, и при этом всякий раз подчеркивается, что Россия является ее частью, а также имеет общие с Европой культуру и ценности.

В начале 2010-х годов, когда европейское общественное мнение оказалось расколото по вопросу о правах ЛГБТ-сообщества, а Кремль заговорил на языке морали, перед Россией открылась новая возможность закрепить за собой официальный статус “альтернативной Европы”, заняв позицию защитника христианских ценностей. Эта позиция нашла свое отражение в речи Путина на дискуссионном клубе “Валдай” 20 сентября 2013 года.

Согласно русским мыслителям девятнадцатого века, миссия России состояла в том, чтобы напомнить Европе о ее подлинной сути, поскольку та, по их мнению, утрачивала свою идентичность. Сегодня мы наблюдаем попытку вернуться на те же позиции: Кремль больше не желает слушать западные наставления, а вместо этого хочет сам быть учителем для Запада. Кремль разработал такой идеологический язык, который позволяет ему придать ценностное обоснование своей внешней политике: поддержке существующих режимов и борьбе с уличными революциями, а также попыткам видоизменить положения, содержащиеся в документах Европейского совета и ООН, во имя сохранения традиционных ценностей и уважения к национальным контекстам. Этими же принципами Кремль руководствуется и во внутренней политике, ограничивая гражданские свободы во имя трех *воплощений* власти: патриотизма, нравственности и национальной культуры. На тех же ценностных основаниях строится и позиционирование России как антилиберальной европейской силы. Разрабатывая эту консервативную установку, Кремль рассчитывает укрепить свою власть в стране и упрочить российские позиции на Западе, где он уже обрел новых попутчиков: в Европе — среди сторонников популистских партий правого крыла, а в США — среди христианских фундаменталистов³⁸.

Выводы

Выбирая из трех “цивилизационных парадигм”, с помощью которых Россия могла бы позиционировать себя по отношению к Европе, Кремль остановился на второй — образе

России как европейской страны, следующей по не-западному пути развития. Это выбор был сделан уже во второй половине 1990-х годов. С тех пор Кремль отстраивал свою идеологическую установку, фундаментом которой стала концепция консерватизма. Данная установка постоянно совершенствовалась, и постепенно она воплотилась в трех формах, которые проявлялись в конкретных политических практиках и новых законах, имевших отчетливо репрессивный характер. Консервативная установка, в особенности язык нравственности, предъявляются как способ укрепить позиции России как *другой* Европы — а это дает возможность отвергнуть западный либерализм, одновременно заявляя, что именно Россия является подлинной Европой. Внутри этой идеологической установки сохраняется плюрализм, и несмотря на то, что три *воплощения* закреплены в официальной риторике, в идеологическом пространстве остается некоторая свобода маневра — в частности, существуют многочисленные внутренние разногласия. Этот ограниченный плюрализм препятствует формированию собственно доктрины в таких ключевых вопросах, как отношения между церковью и государством, определение сути русской идентичности, отношение к имперскому прошлому и текущая миграционная политика.

В процессе ученых дискуссий обычно переоцениваются идеологические достижения российских интеллектуалов и политиков и недооценивается личный путь самих идеологов, размышляющих о государственной идентичности новой России, и их принадлежность к тем или иным организациям. В результате национализм оказывается запутанным понятием, которое используется для определения различных групп или учреждений, распространяющих свои идеи разными способами, обращающихся к разным аудиториям и преследующих очень разные цели³⁹. Представители власти, политики, объединяющиеся вокруг власти или в оппозиции, духовенство, академические и квазиакадемические фигуры, группы скинхедов — все они могут быть описаны как носители идеи “русского национализма”, что существенно затрудняет построение адекватного понятийного аппарата.

Выбрав государственный дискурс в качестве главного объекта наблюдений, я попыталась в сжатом виде описать все то, что часто называют национализмом, и показать, что он может быть истолкован с помощью разных герменевтических приемов, например с помощью “идеологических парадигм”. Эти парадигмы я использую для изучения проблемы российской идентичности и положения России в мире. Их политические *воплощения* инструментализуют классические элементы “национализма”, такие как прославление национальной культуры и традиций. Однако, несмотря на совпадение терминов, такой “национализм” не может быть объединен с “национализмом” скинхедов или с изощренными идеологическими конструкциями некоторых интеллектуалов. Анализ этих дискурсивных элементов как “государственных парадигм” позволяет нам разобраться в их политической подоплеке, а также объяснить действия и цели их акторов — значительно лучше, нежели использование нормативного термина “национализм”.

Кремль видит эту идеологическую установку как *функцию*, а значит, она должна получить практическое воплощение. Она призвана содействовать формированию широкого консенсуса о роли России и ее пути, а также набора правил, достаточно подвижных, чтобы их можно было менять и переопределять в зависимости от обстоятельств как внутри страны, так и на международном уровне. Выбор конкретной доктрины лишил бы эту установку гибкости и создал бы новые проблемы внутри самой структуры власти и ее элит — что, в свою очередь, потребовало бы опоры на разветвленный репрессивный аппарат. Насколько состоятельна идеологическая установка Кремля, станет понятно из того, удастся ли режиму с ее помощью поддерживать общественный консенсус на фоне весьма неблагоприятных экономических перспектив. В зависимости от того, справится ли режим с этим испытанием, будет необходимо решить, оставить ли эту установку в ее нынешнем гибком виде, или же придется трансформировать ее в жесткую доктрину с неизбежным переходом к репрессивной политике.

Примечания

- 1 JAMES P. STEGER M. *Levels of subjective globalization: Ideologies, imaginaries, ontologies* // Perspectives on Global Development and Technology. 2013. Vol. 12, № 1–2. PP. 17–40.
- 2 LARUELLE M. *In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. PP. 120–133.
- 3 Ельцин о “национальной идее” // Независимая газета. 1996. 1 июля.
- 4 Там же.
- 5 HILL F. *In Search of Great Russia. Elites, Ideas, Power, the State, and the Pre-Revolutionary Past in the New Russia, 1991–1996* // Doctoral dissertation. Cambridge, MA: Harvard University, 1998.
- 6 LARUELLE M. *Op. cit.*
- 7 HANSON S. *Instrumental democracy: The end of ideology and the decline of Russian political parties* // HESLI V., REISINGER W. (Eds.) *Elections, Parties, and the Future of Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. PP. 163–185
- 8 Прочат в главы Совета по национальной идеологии // Деловая пресса. 2003. 8 декабря. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mld_33_ald_286900.html (доступ 06.12.2015).
- 9 LARUELLE M. *Russian Nationalism, Foreign Policy and Identity Debates in Putin’s Russia: New Ideological Patterns after the Orange Revolution*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012.
- 10 LARUELLE M. *In the Name of the Nation*. PP. 102–117
- 11 См. ЧАДАЕВ А. *Путин. Его идеология*. М.: Европа, 2006.
- 12 OKARA A. *Sovereign Democracy: A New Russian Idea or PR project?* // Russia in Global Affairs. 2007. Vol. 5, №. 3. PP. 8–20. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/numbers/20/1124.html> (доступ 06.12.2015).
- 13 СУРКОВ В. *Тексты*. М.: Европа, 2010; см. также САКВА R. *Surkov: dark prince of the Kremlin* // Open Democracy. 2011. April 7. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/richard-sakwa/surkov-dark-prince-of-kremlin> (доступ 06.12.2015).
- 14 Зачем я возглавил список “Единой России” // Кремль.org. 2007. 13 ноября. URL: <http://www.kreml.org/media/165463628> (доступ 06.12.2015).
- 15 LARUELLE M. *Inside and around the Kremlin’s Black Box: the new nationalist think tanks in Russia* // Stockholm Papers. 2009. October.
- 16 SMITH M. A. *Medvedev and the Modernisation Dilemma*. Defence Academy of the United Kingdom, 2010.
- 17 *Head of Russian think-tank mulls prospects for cooperation with NATO* // INSOR. 2010. September 7–10; ЮРГЕНС И. (Ред.) *ОДКБ: ответственная безопасность*. М., 2011. URL: <http://www.insor-russia.ru/files/ОДКБ.pdf> (доступ 11.12.2015); см. также АРАГОНЕС Г. *Игорь Юргенс: “Я не исключаю интеграции России в НАТО”* [Интервью с советником президента России] // Иносми.ru. 2010. 18 ноября. URL: <http://inosmi.ru/europe/20101118/164327795.html> (доступ 11.12.2015).
- 18 ROBERTSON G. *Protesting Putinism. The election protests of 2011–2012 in broader perspective* // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60, №2. PP. 11–23; GREENE S. A. *Beyond Bolotnaya. Bridging old and new in Russia’s election protest movement* // Problems of Post-Communism Vol. 60, № 2. PP. 40–52.
- 19 МОРО Г. *Понятие и сущность консерватизма* // Всероссийская партия “Единство и Отечество”. 2001. 7 сентября. См. сохраненную копию URL: http://web.archive.org/web/200111213090224/http://www.edin.ru/user/index.cfm?open=658,624&tpc_id=624&msg_id=2319 (доступ 07.12.2015).
- 20 ГРЫЗЛОВ Б. *Современный российский консерватизм* // Центр социально-консервативной политики. 2007. 15 декабря. См. сохраненную копию URL: http://web.archive.org/web/20090123083528/http://www.cscp-pfo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=187&Itemid=34 (доступ 07.12.2015).
- 21 БОРИС ГРЫЗЛОВ: У “Единой России” крыльев не будет // Русская линия. 2005. 23 апреля. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=150593> (доступ 07.12.2015).
- 22 *Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации* // Ведомости уголовно-исправительной системы. 2004. №1. URL: <http://www.tambov.gov.ru/site/www2/2069/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%>

- D0%B8%20(%D0%BE.rtf. (доступ 07.12.2015). Первая редакция пятилетней Программы патриотического воспитания была принята в 2001 году (URL: http://www.rg.ru/official/doc/postan_rf/122_1.shtm (доступ 07.12.2015)). Следующая пятилетняя программа была принята на период 2006-2011 год (URL: <http://www.pfo.ru/?id=10142> (доступ 07.12.2015)). Третья программа, соответствующая третьему этапу, описываемому в тексте, охватывает период с 2011 по 2015 год (URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/199483/paragraph/8280:1> (доступ 07.12.2015)). Она стала логическим продолжением двух предыдущих и не слишком отличается от них по содержанию.
- 23 Там же.
- 24 NEMTSOVA A. *Russia's new vigilantes. How anti-immigrant passions are shaping Russia's political scene* // Foreign Policy. 2013. 3 March. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/03/04/russias-new-vigilantes/> (доступ 07.12.2015).
- 25 См. специальный раздел "Patriotism from Below in Russia" in *Europe-Asia Studies*, №1, 2015
- 26 SHARAFUTDINOVA G. *The Pussy Riot affair and Putin's dénouement from sovereign democracy to sovereign morality* // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42, № 4. PP. 615–621
- 27 KNOX Z. *The symphonic ideal: The Moscow Patriarchate's post-Soviet leadership* // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55, № 4. P. 575–596; МИТРОХИН Н. *Любовь без удовлетворения: Русская православная церковь и российская армия* // Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. №3. URL: <http://www.pipss.org/document401.html> (доступ 07.12.2015); МОЗГОВОЙ С. *Взаимоотношения армии и церкви в Российской Федерации* // Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. №. 3. URL: <http://www.pipss.org/document390.html> (доступ 07.12.2015); FAGAN G. *Russia: Religion, schools and the right to choose* // Forum 18 News Service. 2014. 20 January. URL http://www.forum18.org/archive.php?article_id=1917&pdf=Y (доступ 07.12.2015).
- 28 *Примерный перечень "Трудных вопросов истории России"* // Российское историческое общество. 2015. 13 августа. URL: <http://rushiistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii.html#histcult> (доступ 17.12.2015)).
- 29 Существует, как кажется, и явная финансовая заинтересованность в том, чтобы предлагать учащимся российских школ один и тот же учебник. См. ВЕКЕР J. MYERS. S.L. *Steven Putin's Friend Profits in Purge of Schoolbooks* // The New York Times. 2014. November 2. URL: <http://www.nytimes.com/2014/11/02/world/europe/putins-friend-profits-in-purge-of-schoolbooks.html> (доступ 07.12.2015).
- 30 BRYANSKI G. *Russian patriarch calls Putin era "miracle of God"* // Reuters. 2012. 8 February. URL: <http://uk.reuters.com/article/2012/02/08/uk-russia-putin-religion-idUKTRE81722Y20120208> (доступ 07.12.2015).
- 31 *World Russian People's Council bestows award on Putin* // Russia Beyond the Headlines. 2013. 4 November. URL: http://rbth.com/news/2013/11/04/world_russian_peoples_council_bestows_award_on_putin_31436.html (доступ 07.12.2015).
- 32 *Встреча Владимира Путина с литераторами {стенограмма}* // Эхо Москвы. 2011. 28 сентября. URL: <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/816060-echo/> (доступ 07.12.2015).
- 33 ЛОГИНОВ М. *Тени великих предков* // Профиль. 2013. 23 ноября. URL: <http://www.profile.ru/obshchestvo/item/78064-teni-velikikh-predkov-78064> (доступ 07.12.2015).
- 34 ЛІРМАН М. *Meet the second-rate academic who is Vladimir Putin's culture cop* // New Republic. 2014. 23 May. URL: <http://www.newrepublic.com/article/117896/vladimir-medinsky-russias-culture-minister-putin-toady> (доступ 07.12.2015).
- 35 См., например, византийский портал Катехон (URL: www.katehon.ru (доступ 07.12.2015)), и антилиберальный исследовательский центр Изборский Клуб (URL: www.dynacon.ru (доступ 07.12.2015)).
- 36 *Foreign Minister of the Russian Federation Sergey Lavrov visits Centre for Strategic and International Studies (Washington, D.C.), meets with politicians and journalists and gives a speech on "Russia in a Multipolar World: Implications for Russia-EU-U.S."* // Посольство Российской Федерации в Канаде. 2011. July 16. URL: <http://www.rusembassy.ca/ru/node/589> (доступ 11.12.2015).
- 37 Заявления Путина и Медведева в качестве глав правительства не представлены на этом сайте, в то время как некоторые декларации министра иностранных дел Сергея Лаврова там есть. Более того, даже предвыборные заявления Путина тоже отсутствуют на сайте. Поэтому список неполон, но все равно дает представление об официальном нарративе.
- 38 ORENSTEIN M. A. *Putin's Western allies. Why Europe's Far Right is on the Kremlin's side* // Foreign Affairs. 2014. 25 March. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141067/mitchell-a-orenstein/putins-western-allies> (доступ 07.12.2015).
- 39 Более подробно об этом см. ЛАРЮЭЛЬ М. *Русский национализм как область научных исследований* // Pro et Contra. Т. 62, № 1–2. С. 54–72